

ния этих единиц и может служить основой для более детального анализа конкретных явлений, связанных с клитиками. Существенно также, что книга написана простым и доступным языком. На наш взгляд, она может быть интересна как специалисту в области грамматики, так и читателю, не имеющему серьезной лингвистической подготовки, в том числе студенту и начинающему лингвисту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Плунгян 2003 -- В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
Anderson 2005 -- S.R. Anderson. Aspects of the theory of clitics. Oxford, 2005.

Franks, King 2000 - S. Franks, T.H. King. A handbook of Slavic clitics. Oxford, 2000.
Wackernagel 1892 -- J. Wackernagel. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. Bd 1.
Zwicky 1977 -- A.M. Zwicky. On clitics. Bloomington, 1977.
Zwicky, Pullum 1983 -- A.M. Zwicky, G.K. Pullum. Cliticization vs. inflection: English *n't* // Language. 1983. V. 59. № 3.

Е. А. Валова

Сведения об авторе:

Евдокия Алексеевна Валова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
valova.dunya@gmail.com

A. Kopecka, Bh. Narasimhan (eds). Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2012. xv + 371 p. ISBN 97890-272-0681-7. (Typological studies in language 100.)

Книга «Ситуации помещения и удаления: типологическая перспектива» написана в рамках проекта Института им. Макса Планка по психолингвистике (Max Planck Institute for psycholinguistics) в Неймегене, одного из крупнейших мировых центров лексической типологии. Именно в этом институте были в свое время проведены известные исследования по концептуализации пространства [Levinson 2003; Levinson, Wilkins 2006] и типологии ситуаций разрушения (cutting and breaking) [Majid, Bowerman 2007; Majid et al. 2008]. Данная книга представляет собой результаты работы над языковой категоризацией ситуаций, связанных с каузированным перемещением, с фокусом на ситуациях типа 'помещать' (англ. *put*) и 'забирать' (англ. *take*). Книга посвящена памяти Мелиссы Боуэрман, которая была идейным вдохновителем исследований в этой области [Bowerman 2004; Bowerman et al. 2004]: этот проект можно считать ее последним крупным типологическим исследованием.

Основной теоретический вопрос, который ставят перед собой авторы, связан с тем, является ли организация лексических средств языка произвольной и ничем не обусловленной или в ней можно обнаружить закономерности. Согласно одной гипотезе, закономерности в структуре лексических систем существуют, и многие домены концептуализуются в языках мира сходным образом: или по причине существования набора врожденных лексических концептов [Fodor 1975; 1998], или по причине того, что они обусловлены сходными характеристиками событий или предметов, о которых идет речь [Rosch, Mervis 1975; Rogers,

McClelland 2004]. Согласно более ранней структуралистской точке зрения, отрицающей организующее влияние сознания или окружающей среды, язык может кодировать лексические зоны произвольным образом [Bloomfield 1933; Gleason 1955].

Типологическое сравнение данных нескольких языков может предоставить материал для ответа на этот вопрос: если организация определенного семантического поля в нескольких неродственных языках оказывается основана на общих принципах, это должно быть связано с особенностями человеческого мышления или организующей структурой внешнего мира. Вариативность при этом можно объяснить культурными или конкретными языковыми особенностями. Предыдущие исследования в таких областях, как выражение эмоций, топологические отношения, ситуации разрушения, цветовая категоризация и др. [Wierzbicka 1999; Levinson et al. 2003; Levinson, Wilkins 2006; Ameka, Levinson 2007; Majid et al. 2007; Roberson et al. 2000; Regier, Kay 2009], показали, что, хотя языки по-разному организуют соответствующие зоны, ограничения на вариативность все-таки существуют.

Выбор авторами книги такой, на первый взгляд, узкой и специализированной лексической зоны, как 'помещение (putting)' и 'удаление (taking)', вызван несколькими причинами.

Во-первых, она связана с организацией пространства вокруг человека, его личной сферой, которая с нейрокогнитивной точки зрения обладает рядом особенностей. Например, при одностороннем пространственном игнорировании, вызванном поражением правого полу-

шария головного мозга, существуют различия между больными с пространственным игнорированием в личной сфере и на расстоянии [Kemmerer 1999].

Во-вторых, в зоне личного пространства очень явно проявляется координация визуальной и моторной систем: так, например, ладонь во время хватания с большим временным запасом подстраивается под форму и расположение предмета, который планируется захватить. Это говорит о том, что для этой зоны важны не только параметры «что» и «где», но и «каким образом».

В-третьих, зона личного пространства интересна с лингвистической точки зрения, потому что она тесно связана с категорией дейксиса.

Кроме того, слова типа *put* и *take* очень частотны: *take* занимает 105-е место в общем (с учетом местоимений и служебных слов!) частотном списке слов английского языка (форма *took* – 200-е), а *put* – 198-е. Будучи одними из самых частотных переходных глаголов, они усваиваются детьми одними из первых.

Наконец, в языках мира широко распространены позиционные глаголы, обозначающие положение одного из объектов относительно другого (*стоять, лежать, сидеть*), которых может быть от 3–5 до 12–20 [Ameka, Levinson 2007], причем в большинстве языков, где такие глаголы представлены, описать расположение объекта без их употребления невозможно. Например, нельзя сказать «бутылка на столе», необходимо уточнить, бутылка «стоит» или «лежит» на столе. Возможно, это связано с наличием в этих языках целой серии каузативных глаголов, связанных с глаголами положения в пространстве (типа *ставить* или *класть*). Таким образом, глаголы помещения/удаления соотносят базовые пространственные отношения объектов с разными топологическими характеристиками (помещение во вместилище, поддержка, прикрепление и т.п.) с каузацией таких отношений человеком.

В статьях сборника освещаются три основные проблемы.

1) Связь синтаксиса и семантики (с позиций теории Л. Талми).

Согласно [Talmy 1991], в языках «глагольного» типа (*verb-framed*) информация о пути в ситуациях перемещения содержится в самой семантической структуре глагола, а в языках «сателлитного» типа (*satellite-framed*) – в приглагольных адвербиальных частях («спутниковых конструкциях» в терминах Л. Талми). Поскольку в ситуациях помещения/удаления есть компонент перемещения, авторы применили к ним это противопоставление, чтобы выяснить, как информация о пути распределяется в пределах предложения.

2) Особенности семантической организации полей.

Лексические системы разных языков в области помещения/удаления могут включать в себя большее или меньшее количество предикатов. Так, например, в английском глагол *put* часто описывается как «легкий» и может использоваться во всех ситуациях «перемещения, вызванного внешней силой» [Gleitman 1990], то есть является доминантным. Кроме того, согласно [Pinker 1989], английский глагол *put* относится к небольшому числу глаголов, которые усваиваются детьми в раннем возрасте через соотнесение с внеязыковыми ситуациями.

В других языках возможно более дробное деление поля помещения, что ставит вопрос о типологически значимых параметрах варьирования. Например, возможно ли выражение значений помещения и удаления в одном глаголе, раз они оба подразумевают ситуацию захвата рукой? Значимо ли, как производится захват – рукой или инструментом? Маркируются ли одинаково ситуации перемещения с сохранением контакта в процессе всего перемещения (*ставить*) или с завершением ситуации контроля до завершения ситуации перемещения (*бросать*)?

3) (А)симметрия в организации доменов помещения/удаления.

Целый ряд исследований предполагает, что при описании пространственных отношений человек когнитивно выделяет конечную, а не начальную точку перемещения. Например, взрослые лучше различают взаимные расположения объектов в области конечной точки перемещения [Rieger, Zheng 2007], маленькие дети (еще не говорящие) проявляют большую чувствительность к изменениям в области цели, а не источника перемещения [Lakusta et al. 2007], и языки тоже демонстрируют большее богатство средств выражения для цели, чем для источника [Ikegami 1987]. Существует ли подобная асимметрия в описании ситуаций помещения некоторого предмета куда-либо и удаления его оттуда?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, исследователи использовали единый набор стимулов, состоящий из 60 коротких видеоклипов, посвященных ситуациям помещения и удаления, каждый длиной в 3–4 секунды (доступны по адресу: <http://fieldmanuals.mpi.nl>). Согласно исследованиям [Talmy 1985; 1991; Jackendoff 1990], для ситуаций помещения/удаления основными являются четыре семантических компонента: каузация, движение, место и путь. Соответственно, при создании видеоклипов под прототипическими ситуациями помещения/удаления понималось намеренное помещение объекта куда-либо или

удаление его откуда-либо под агентивным контролем. При этом для выявления параметров межъязыкового варьирования потребовалось привлечь более тонкие противопоставления, такие как перемещение относительно контейнера или опорной поверхности (*положить яблоко в миску/на стол*), вертикальная или горизонтальная ориентация основной оси объекта после перемещения (*поставить/положить книгу на полку*) и т.д.

Для того чтобы, с одной стороны, не упустить значимые параметры, а с другой, не перегрузить задачу излишним числом ситуаций и не сделать ее не выполнимой в обозримые сроки, составители клиповой анкеты постоянно консультировались с полевыми исследователями различных языков. Это позволило создать набор стимулов, основанный на противопоставлениях, которые повторяются в разных языках, а не являются плодом умозрительных рассуждений о том, что в принципе могло бы быть значимо для изучаемого поля. Результирующий список ситуаций учитывает следующие противопоставления:

а) связанные со свойствами фигуры (перемещаемого объекта):

твердый vs. гибкий,
часть тела агенса, осуществляющего перемещение (голова, рука), vs. отдельный объект,
гранулированный vs. жидкий vs. твердый,
предмет одежды vs. не предмет одежды,
размер (большой vs. маленький),
форма (вытянутый vs. круглый);

б) связанные со свойствами фона (место, относительно которого происходит перемещение):

одушевленный vs. неодушевленный,
часть тела агенса, осуществляющего перемещение (голова, нога), vs. отдельное место,
горизонтальный vs. вертикальный,
пол vs. пространство, расположенное выше,
контейнер vs. опорная поверхность;

в) связанные с пространственными отношениями между фигурой и фоном:

вместилище vs. опора,
плотный vs. свободный контакт между фоном и фигурой,
ориентация фигуры относительно фона
вертикальная vs. горизонтальная,
фигура на подвесе vs. остальные случаи;

г) связанные с типом инструмента:

рука агенса vs. другая часть тела агенса (например, рот) vs. инструмент (например, щипцы);

д) связанные со способом действия:

контроль агенса сохраняется до того момента, как фигура достигнет цели (конечной точки), vs. прекращается раньше того момента, когда фигура завершит перемещение (ср.: *уронить, бросить, вылить, поместить*),
намеренное vs. непроизвольное действие,
агенса перемещается вместе с фигурой (сопроводительное движение) vs. только протягивает руку.

Все эти противопоставления предполагают включение в выборку некоторых ситуаций, которые можно было бы считать «менее прототипическими» для поля помещения/удаления (например, *уронить книги на пол*). Такие клипы были включены в рассмотрение, чтобы проверить по языкам мира, где заканчивается «территория» основных глаголов помещения/удаления и начинают использоваться глаголы из других зон. Таким образом, помимо задачи выявления противопоставлений внутри рассматриваемого семантического поля, авторы эксплицитно ставят задачу определения его границ. Такая постановка вопроса является для лексической типологии достаточно новой, ср. [Кюсева и др. 2013].

В ходе исследования носителям по одному демонстрировали клипы и просили описать, что они видят. Клипы были показаны в трех разных произвольных последовательностях, которые исследователи чередовали. Ответы записывались на диктофон или на камеру. Такой способ фиксации материала связан в том, что в выборке представлены и бесписьменные языки, – задача изучения семантического поля требовала создания пусть и небольшого, но корпуса текстов.

Если носители не сразу предлагали агентивный вариант (например, говорили «книги упали на пол» вместо «она уронила книги на пол»), исследователи задавали дополнительный вопрос: «Что мужчина/женщина сделал(а)?». После выполнения этого задания некоторые сцены дополнительно обсуждались с носителями, чтобы выяснить, возможно ли для них употребление каких-либо других или более общих глаголов. Это позволяло уточнить семантику основных глаголов помещения/удаления в исследуемом языке и выстроить иерархические отношения между альтернативными вариантами.

Чтобы избежать ситуаций, когда один и тот же клип может быть описан разными словами, соответствующими разным пониманиям ситуации, исследователям предлагалось уделить внимание изучению морфо-синтаксической и лексической сочетаемости изучаемых слов, а также использовать данные, полученные

другими методами полевых исследований (записанные тексты, внеязыковые суждения, наблюдения за носителями, другой стимульный материал). Это давало возможность создать более полную картину ситуаций помещения / удаления в языке, а также оценить, насколько предложенные клипы эффективны для выявления важных семантических противопоставлений. Однако чтобы обеспечить единую базу для сопоставления материала разных языков, предоставленные клипы должны были находиться в фокусе внимания исследователей.

И действительно, во всех статьях сборника, несмотря на разницу в их структуре, способе подачи материала и обсуждаемых проблемах, дается отчет о том, какие предикаты были использованы для описания клипового материала. Правда, согласно замечаниям авторов отдельных статей, предоставленный стимульный материал не всегда давал возможность адекватно описать все многообразие этой богатейшей лексической зоны, и во многих случаях авторы языковых описаний вынуждены были ограничиться указанием на то, какая реакция на клип предлагалась первой.

В статье, посвященной койсанскому языку хайльом-чъакхой, К. Раполд отмечает, что сложности, которые возникали при описании клипового материала информантами, возможно, вызваны несоответствиями в культурном опыте или незнанием информантов с современными средствами мультимедиа. В качестве пути решения этих проблем он предлагает сосредоточить дальнейшее исследование на работе с естественным дискурсом [Rapold 2012: 95]. Тем не менее наличие единой базы для сопоставления языков является важнейшей частью методологии – именно это позволяет делать обобщения.

Языковая выборка в проекте представлена такими языками, как хайльом-чъакхой (койсанский), баскский (изолят), хинди, венгерский, джахай (австроазиатский), японский, калашский (дардский), куук таайор (Kuuk Thaayorre) (пама-нюнга), нижнечонтальский (оахакско-чонтальский), китайский, марокканский арабский, польский, цыганский, испанский, шведский, немецкий, тамильский, цельтальский (майя), йелидне (папуасский). Для большинства из них материалов по этой теме никогда не публиковалось. В каждой из статей, посвященных конкретным языкам, дается краткое представление лексико-грамматических средств для описания ситуаций помещения / удаления (композицы, глагольные частицы или сериальные глагольные конструкции, предложные группы (adpositional phrases)) и сообщается о том, как информация о помещении / удалении распределяется по составляющим фразы.

После этого в статьях говорится об особенностях организации соответствующих полей и / или об (а)симметрии в кодировании событий помещения и удаления.

По результатам анализа организации семантических зон помещения / удаления в этих девятнадцати языках авторы пришли к следующим выводам по основным интересовавшим их проблемам:

1) Связь синтаксиса и семантики (с позиций теории Л. Талми).

Собранные данные свидетельствуют в поддержку недавних исследований, согласно которым типологически выражение основного значения пути в глаголе или его слутнике – не бинарно, а скалярное противопоставление [Slobin 2004; Slobin et al. 2011; Croft et al. 2010]. Противопоставление между «глагольным», «сателлитным» и «эквиполентным» (equipollent-framing) [Slobin 2004] типами выражения пути целесообразно рассматривать в терминах конструкций, которые в разных языках могут быть продуктивны в разной степени.

Например, в йелидне локативные маркеры, подобные английским *to* и *from*, отсутствуют, имеется только локативный маркер с очень общим значением, поэтому направление движения в сторону цели или источника выражается исключительно в глаголе. В цыганском, цельтальском, японском, баскском и испанском различие между помещением и удалением выражается в основном в глаголе, но оно не является единственным средством выражения этого различия. Так, цельтальские языковые единицы с направительным значением (directionals) или пред/последологи (adpositions) в испанском и японском могут, помимо прочего, давать дополнительную информацию о направлении движения. В других языках неглагольные компоненты принимают на себя большую часть соответствующей информации: это префиксы и предложные группы в польском, частицы и предложные группы в шведском, падежные показатели и пространственные имена в калашском и направительные глагольные суффиксы в хайльом-чъакхой. В языках с сериальными глагольными конструкциями или глаголами-корнеслогами (композицами) путь и способ движения выражаются одинаково значимыми глаголами в пределах одной клаузы – так происходит, например, в нижнечонтальском. Это случай, который [Slobin 2004] предлагает называть «эквиполентным».

Возможны также случаи, когда один и тот же язык использует разные стратегии для разных типов ситуаций. Так, например, шведский по многим показателям может считаться типичным «сателлитным» языком, но в ситуациях помещения он ведет себя как «глагольный».

Таким образом, продуктивность «глагольных», «сателлитных» и «эквивалентных» конструкций не только составляет континуум с типологической точки зрения, но и может различаться для разных типов ситуации в одном языке.

Интересно, что кодирование ситуации перемещения с помощью нескольких глаголов (или глагола и направительных морфем) в рамках одной клаузы может вести к серьезным проблемам в вопросе об определении границ семантического поля. Так, Цз. Чэнь отмечает, что в китайском для описания клиповых стимулов в сочетании с направительными морфемами использовались глагольные корни, сами по себе не способные передавать идею изменения местоположения, например *diào* 'держать во рту' или *jiā* 'зажимать'. Автор проводит аналогию с так называемыми конструкциями каузивированного движения (caused motion construction, [Goldberg 1995]) в предложениях типа *John sneezed the ball into the box*, букв. 'Джон счихнул мяч в коробку', где сам глагол *sneeze* 'чихать' не имеет значения перемещения [Chen 2012]. Вопрос о том, можно ли при этом считать глаголы типа 'держать во рту' или 'зажимать' относящимися к семантическому полю помещения / удаления, остается открытым: они попали в выборку во многом из-за того, что в качестве стимульного материала были использованы клипы.

2) Особенности семантической организации полей.

Способы маркирования ситуаций помещения / удаления в языках мира весьма разнообразны. Так, в венгерском, калашском, хинди и тамильском существует доминантный глагол помещения, который применим к широкому набору ситуаций. В немецком, шведском, польском и йеидне используются позиционные глаголы типа *ставить* или *класть*, которые подразделяют общий набор ситуаций на более мелкие области. В цельтагальском к полю помещения / удаления относится крайне малое число глаголов (например, *ak* 'помещать / давать'), а большинство ситуаций описывается корнями, которые изначально характеризуют взаимное расположение объектов с добавлением транзитивных или каузивных суффиксов для передачи значения 'каузировать взаимное расположение объектов X'. При этом утверждается, что в цельтагальском используется 62 различные глагольные основы, описывающие взаимное расположение объектов, которые связаны с такими противопоставлениями, как форма фигуры, плотность (physical consistency) фона и пространственная ориентация фигуры. В качестве примера приводится лексема, описывающая «помещение в контейнер с маленьким

входом». Таким образом, по предварительным данным, ситуация с «легкими» глаголами типа английских *put / take* в этой зоне является далеко не универсальной.

Очень значимым оказался параметр «помещение в контейнер vs. на опорную поверхность» – он противопоставляет лексемы в таких разных языках, как джахай, куук таайор, шведский, хинди, тамильский, марокканский арабский, калашский, чонтальский и хайльом-чъакхой.

Среди других параметров, влияющих на категоризацию рассматриваемых доменов в выборке, называются подвешивание (*suspension*), плотный контакт (*adhesion*), одушевленность, свойства фигуры и фона, способ силового взаимодействия (*force-dynamic notions*) – контроль, сила или преднамеренность действия. Эти различия обычно играют большую роль в ситуациях помещения, чем удаления, но в некоторых языках существуют соответствующие лексические пары для обоих доменов.

Другим вопросом, который интересовал исследователей, был вопрос о границах доменов помещения / удаления, то есть о том, какие семантические свойства заставляют говорящего использовать глагол из другой лексической зоны, а какие нет. Типичной ситуацией помещения (выделенной в соответствии со значением английского глагола *put*) авторы считают «агенса перемещает фигуру в местоположение, отличное от него самого (не являющееся его частью тела), и утрачивает над ней контроль». В случаях же надевания чего-либо на себя (например, *надеть шляпу*), агент перемещает фигуру на часть тела, что можно рассматривать как сохранение над ней контроля (см. также [Bowenman 2004]). В большом числе языков в выборке (например, джахай, китайский, баскский, хайльом-чъакхой, цельтагальский) ситуации надевания и снятия предметов одежды описываются отдельными лексемами. В других же языках, хотя для описания этих ситуаций и возможно употребление центральных лексем поля помещения / удаления, происходит мена конструкции. Так, в шведском для указания на фон используются рефлексивные местоимения. Указание на локацию может быть опущено, как, например, в калашском, английском и польском (ср. *'put hat on 0' = [head]*, но не **'put book on 0' = [table]*). Возможна также ситуация, когда в языке для событий надевания и снятия предметов одежды может быть использован один и тот же глагол (например, в шведском и венгерском), в то время как другие события помещения и удаления требуют использования разных глаголов.

Также использование отдельных глаголов возможно в сфере передачи предмета другому

лицу, то есть в ситуации смены possessора. Такие ситуации маркируются отдельными лексемами, например, в шведском, марокканском арабском и хайльом-чъакхой. Одним из исключений является цельтальский, в котором глагол *ak'* может использоваться как в ситуациях перемещения с неодушевленной конечной точкой, так и в ситуациях передачи с одушевленным реципиентом.

Отдельные глаголы используются также в ситуациях потери контроля над фигурой прежде достижения сю конечной точки, а также в случаях непреднамеренного, а не целенаправленного перемещения объекта (ср.: *положить* vs. *бросить*, *уронить*). Такие противопоставления характерны для баскского, испанского, хинди.

Таким образом, хотя кодирование ситуаций помещения / удаления в разных языках имеет свою специфику, существуют общие параметры варьирования, которые повторяются в разных языках (помещение в контейнер, на опору, способ перемещения, тип силового взаимодействия), и типы пограничных ситуаций, которые обычно получают другое маркирование (ситуации надевания или снятия предметов одежды, ситуации, связанные с одушевленным реципиентом и с утратой агентивного контроля).

3) (А)асимметрия в организации доменов помещения / удаления.

Асимметрия доменов помещения / удаления может проявляться в разной разработанности лексических средств в доменах помещения и удаления. Так, в шведском представлены три разных глагола для ситуации помещения (*lägga* 'класть', *sätta* 'ставить', *stoppa* 'помещать в контейнер') и только один глагол с общей семантикой для ситуаций удаления (*ta* 'забирать'). Подобная ситуация большей разработанности домена помещения зафиксирована также для хайльом-чъакхой, польского, венгерского, цельтальского, куук таайор, чонतालского, баскского и испанского.

Интересным контрпримером являются данные языка йелидне, в котором существуют лексические пары для ситуаций помещения и удаления, сохраняющие все противопоставления, связанные как с положением фигуры ('*make.sit-unsit*', '*make.stand-unstand*', '*make.hang-unhang*'), так и с дополнительными противопоставлениями (плотный контакт, прикрепление, погружение в воду / погребение, особый тип фигуры и т. д.).

Два других исключения – джахай и калашский. В джахай, хотя ситуации помещения и маркируются большим числом разных глаголов, автор соответствующей статьи предполагает, что это «связано с более явными моделями

синонимии (more salient patterns of synonymy) в глаголах помещения (включая синонимичные заимствования из малайского), проявляющиеся в вариативности среди носителей» [Burenhult 2012]. В калашском, хотя в целом семантическое поле помещения более дифференцировано, для ситуации извлечения из контейнера используется большее количество глаголов, чем для ситуации помещения в контейнер.

Таким образом, поскольку лишь в небольшом числе языков из выборки домен удаления разработан с такой же подробностью, как домен помещения, в целом можно говорить об асимметрии этих доменов, хотя она и не является универсальной.

О(б) асимметрии доменов помещения и удаления можно говорить в связи с двумя вопросами: а) возможно ли опущение фраз с описанием фона в каждом из доменов и каковы их морфосинтаксические характеристики в тех случаях, когда они не опускаются; б) насколько последовательны носители при выборе лексем для каждого из доменов.

а) В целом ряде языков указание на источник в ситуациях удаления опускается чаще, чем указание на цель в ситуациях помещения, – так происходит в цельтальском, куук таайор, шведском, баскском, испанском, японском, марокканском арабском и чонतालском. Подобная асимметрия не наблюдается в джахай и польском: в них фон упоминается с одинаковой частотностью в ситуациях помещения и удаления. Кроме того, тенденция к опущению или сохранению упоминания о фоне в ситуациях помещения / удаления связана с конкретными особенностями отдельных языков или даже лексем. Так, например, языковые единицы с направительным значением более частотны в ситуациях удаления в цельтальском, а глагольные частицы в шведском чаще употребляются с обладающим широкой семантикой глаголом удаления *ta* 'забирать', чем с семантически более дифференцированными глаголами помещения.

б) В некоторых языках (хайльом-чъакхой, калашский) носители оказались более последовательными при выражении значений в зоне помещения. Это могло бы свидетельствовать о том, что события помещения с когнитивной точки зрения демонстрируют большее единообразие. Однако в цельтальском и венгерском вариативность среди носителей при описании ситуаций помещения, напротив, выше.

В целом можно считать, что гипотеза об асимметрии в организации доменов помещения и удаления на рассмотренном материале подтверждается. Носители склонны реже опускать указания на конечную цель и лексически противопоставлять большее количество значений

в ситуациях помещения по сравнению с ситуациями удаления. Тем не менее эта тенденция не является универсальной.

Выводы, к которым приходят авторы, демонстрируют, что при применении единой методологической базы возможно выявление закономерностей в организации лексических систем даже для таких обширных семантических полей, как помещение / удаление, на сравнительно небольшом языковом материале. Это наблюдение внушает оптимизм в отношении дальнейшего развития лексической типологии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кюсева и др. 2013 – *М.В. Кюсева, Д.А. Рыжова, Л.С. Холкина*. Лексическая типология: к проблеме определения границ семантического поля (на примере признаков 'толстый' и 'тонкий') // *T.R. Guzmán, I. Votyakova* (eds). *Tipología léxica*. Granada, 2013.
- Ameka, Levinson 2007 – *F.K. Ameka, S.C. Levinson* (eds). The typology and semantics of locative predication: Posturals, positionals and other beasts // *Linguistics*. 2007. V. 45.
- Bloomfield 1933 – *L. Bloomfield*. *Language*. New York, 1933.
- Bowerman 2004 – *M. Bowerman*. Beyond caused positionals: The secret life of 'put'. Manuscript. Nijmegen, 2004.
- Bowerman et al. 2004 – *M. Bowerman, M. Gullberg, A. Majid, Bh. Narasimhan*. Put project: the crosslinguistic encoding of placement events // *Field manual*. 2004. V. 9.
- Burenhult 2012 – *N. Burenhult*. The linguistic encoding of placement and removal events in Jahai // *A. Kopecka, Bh. Narasimhan* (eds). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam, 2012.
- Chen 2012 – *J. Chen*. «She from bookshelf take-descend-come the box»: Encoding and categorizing placement events in Mandarin // *A. Kopecka, Bh. Narasimhan* (eds). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam, 2012.
- Croft et al. 2010 – *W. Croft, J. Barddal, W. Hollmann, V. Sotirova, C. Taoka*. Revising Talmy's typological classification of complex event constructions // *H. Boas* (ed.). *Contrastive studies in construction grammar*. Amsterdam, 2010.
- Fodor 1975 – *J.A. Fodor*. *The language of thought*. New York, 1975.
- Fodor 1998 – *J.A. Fodor*. *Concepts: Where cognitive science went wrong*. Oxford, 1998.
- Gleason 1955 – *H.A. Gleason*. *An introduction to descriptive linguistics*. New York, 1955.
- Gleitman 1990 – *L. Gleitman*. The structural sources of verb meanings // *Language acquisition*. 1990. V. 1.
- Goldberg 1995 – *A.E. Goldberg*. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.
- Ikegami 1987 – *Y. Ikegami*. 'Source' and 'Goal': A case of linguistic dissymmetry // *R. Dirven, G. Radden* (eds). *Concept of case*. Tübingen, 1987.
- Jackendoff 1990 – *R. Jackendoff*. *Semantic structures*. Cambridge (Mass.), 1990.
- Kemmerer 1999 – *D. Kemmerer*. 'Near' and 'far' in language and perception // *Cognition*. 1999. V. 73. № 1.
- Lakusta et al. 2007 – *L. Lakusta, L. Wagner, K. O'Hearn, B. Landau*. Conceptual foundations of spatial language: Evidence for a goal bias in infants // *Language learning and development*. 2007. V. 3.
- Levinson, Wilkins 2006 – *S.C. Levinson, D. Wilkins* (eds). *Grammar of space*. Cambridge, 2006.
- Levinson 2003 – *S.C. Levinson*. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2003.
- Levinson et al. 2003 – *S.C. Levinson et al.* «Natural concepts» in the spatial topological domain – Adpositional meanings in crosslinguistic perspective: An exercise in semantic typology // *Language*. 2003. V. 79. № 3.
- Majid, Bowerman 2007 – *A. Majid, M. Bowerman*. Cutting and breaking events: A cross-linguistic perspective // [Special issue of] *Cognitive linguistics*. 2007. V. 18. № 2.
- Majid et al. 2007 – *A. Majid, M. Bowerman, M. van Staden, J. Boster*. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // *Cognitive linguistics*. 2007. V. 18. № 2.
- Majid et al. 2008 – *A. Majid, J.S. Boster, M. Bowerman*. The cross-linguistic categorization of everyday events: a study of cutting and breaking // *Cognition*. 2008. V. 109. № 2.
- Pinker 1989 – *S. Pinker*. *Learnability and cognition: The acquisition of argument structure*. Cambridge (Mass.), 1989.
- Rapold 2012 – *C.J. Rapold*. The encoding of placement and removal events in Akhoe Hai||om // *A. Kopecka, Bh. Narasimhan* (eds). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam, 2012.
- Regier, Kay 2009 – *T. Regier, P. Kay*. *Language, thought, and color: Whorf was half right* // *Trends in cognitive sciences*. 2009. V. 13. № 10.
- Rieger, Zheng 2007 – *T. Rieger, M. Zheng*. *Attention to endpoints: A cross-linguistic*

- constraint on spatial meaning // *Cognitive sciences*. 2007. V. 31. № 4.
- Roberson et al. 2000 – D. Roberson, I. Davies, J. Davidoff. Color categories are not universal: Replications and new evidence from a stone-age culture // *Journal of experimental psychology: General*. 2000. V. 129.
- Rogers, McClelland 2004 – T.T. Rogers, J.L. McClelland. *Semantic cognition: A parallel distributed processing approach*. Cambridge (Mass.), 2004.
- Rosch, Mervis 1975 – E. Rosch, C.B. Mervis. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories // *Cognitive psychology*. 1975. V. 7.
- Slobin 2004 – D.I. Slobin. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // S. Stroemquist, L. Verhoeven (eds). *Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives*. Mahwah, 2004.
- Slobin et al. 2011 – D.I. Slobin, M. Bowerman, P. Brown, S. Eisenbeiss, Bh. Narasimhan. Putting things in places: Developmental consequences of linguistic typology // J. Bohnemeyer, E. Pederson (eds). *Event representation in language and cognition*. Cambridge, 2011.
- Talmy 1985 – L. Talmy. *Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms* // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. V. 3. Cambridge, 1985.
- Talmy 1991 – L. Talmy. Path to realization: A typology of event conflation // *Proceedings of the Seventeenth annual meeting of the Berkeley linguistic society*. Berkeley, 1991.
- Wierzbicka 1999 – A. Wierzbicka. *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge, 1999.

Л.С. Холкина

Сведения об авторе:

Лилия Сергеевна Холкина
РГГУ, ШАГИ РАНХиГС
kholkina@gmail.com